

В. Н. СЕРГЕЕВ

О надписях к изображениям «еллинских мудрецов»

Оживленный интерес к античным реминисценциям в древнерусской письменности, проявляющийся в последнее время в литературоведческой науке,¹ заново ставит вопрос об отражении их в искусстве, поскольку эти тексты цитировались в надписях к изображениям «еллинских мудрецов». Этой теме была посвящена в свое время обстоятельная статья Н. А. Казаковой, в которой прослеживается связь подобных надписей с «Пророчествами еллинских мудрецов» Хронографа I редакции 1512 г.² Со времени выхода в свет этой работы накопился некоторый текстовый и изобразительный материал, который свидетельствует, что «Пророчества» Хронографа разных редакций и восходящая к ним соответствующая статья «Кирилловой книги» 1644 г. не были единственными литературными источниками для русских художников, изображавших «еллинских мудрецов». В XVII—XVIII вв. число изображений античных персонажей в церковном искусстве начинает возрастать, а художники и составители иконописных подлинников ведут работу по собиранию тех сравнительно немногих текстов, из которых можно было бы почерпнуть материал для их «литературной программы». В это время в состав иконописных подлинников включаются не только ставшие уже традиционными упомянутые выше тексты, но и произведения новые, в частности «Книга о сивиллах, колико их быша. . .», переведенная Николаем Спафарием в 1673 г.³

Среди источников «изображенного слова» на произведениях темперной живописи этого типа ни разу не были, насколько нам известно, от-

¹ Э. М. Шусторович. 1) Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 62—70; 2) Древнеславянский перевод Хроники Иоанна Малалы. (История изучения). — Византийский временник, т. 30, М., 1969, с. 136—152; 3) Об одном отрывке из древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1970, № 6, с. 105—110; С. И. Радциг. Античное влияние в древнерусской культуре. — Вопросы классической филологии, III—IV, М., 1971, с. 3—65; А. А. Дерюгин. Вергилий в древнем славянском переводе Хроники Иоанна Малалы. — В кн.: Античность и Византия. М., 1975, с. 351—362; Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Подгот. текста и вступит. статья О. А. Белобровой. Л., 1978, с. 5—6, 11—12, 14, 17—18, 25—85, 125—135; В. П. Гребенюк, О. А. Державина, А. С. Елеонская. Античное наследие в русской литературе XVII—начала XVIII века. — В кн.: Славянские литературы. VIII международный съезд славистов. Загреб—Любляна, сентябрь 1978 г. М., 1978, с. 194—214; О. В. Творогов. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 3—31; Д. М. Булантин. 1) Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 3—31, 67—79; 2) Классическая литература в древней Руси и проблемы ее изучения. — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 30—39; 3) Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 257—285.

² Н. А. Казакова. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 358—368.

³ БАН, Строг. 64 (67), л. 194—208 об.

мечены творения Максима Грека, хотя «исследователи уже давно обратили внимание, что такого количества античных реминисценций, как в сочинениях Максима Грека, нет ни у одного древнерусского автора до XVII в.»⁴ Неизвестность этого писателя как автора «изображенного слова» на иконах с античной тематикой объясняется не только обрывочностью сохранившегося изобразительного материала и малой его изученностью, но и тем обстоятельством, что многое из литературного наследия Максима Грека остается в рукописях и труднодоступно для изучения, особенно для искусствоведа, вынужденного подчас отыскивать литературный источник буквально трех-четырёх слов, процитированных на изображении. И все же уже сейчас следы вклада Максима Грека в «изображенное слово» этого типа как будто бы начинают прослеживаться и проявляться.

Предметом публикации являются надписи к открытым в 1970-х гг. двум группам изображений «еллинских мудрецов». Первая из них — четыре изображения (Аполлона, Истоика, Филодоса, Орфея) в Троицкой церкви в Останкине (ныне музей-усадьба «Останкино» в Москве), помещенные под местным рядом иконостаса.⁵ По стилистическим и палеографическим признакам они датируются первой половиной XVIII в. Здесь тексты на свитках восходят к Хронографу, но имеют ряд своеобразных черт, свидетельствующих о длительном бытовании их в иконописных подлинниках и о возможном влиянии иных литературных произведений. Текст на свитке «философа Аполлона»: «И пострадавший Бог есть, а не божество пострада само. . .». Это цитата из «Пророчества еллинских мудрецов», одинаково читающаяся в Хронографе I редакции 1512 г. и в «Кирилловой книге».⁶ Тот же текст рекомендуется для этого изображения Строгановским толковым подлинником.⁷ Аналогичное литературное происхождение имеет и надпись на «образе» «философа Истоика»: «Почтем Марию, яко добре скрывшую таинство, от нея же хочет родитися Христос. . .».⁸ Текст на свитке Филодоса («Прежде Бог, таже Слово и Дух с ним. . .») не может быть непосредственно связан с «Пророчествами» II редакции Хронографа, поскольку в этом литературном источнике почти совпадающее изречение приписывается Олору.⁹ На южных же вратах Успенского собора Московского Кремля оно начертано как изречение Диогена. Лишь в Хронографе I редакции и в Строгановском подлиннике это «блуждающее» пророчество связывается с Филодосом.¹⁰ Следовательно, мастер, работавший в Троицкой церкви в Останкине, пользовался подлинником типа Строгановского или, во всяком случае, совпадающим с ним в границах трех рассмотренных надписей, причем надписи восходят к Хронографу I редакции 1512 г. Этот подлинник содержал также уникальное описание изображения Орфея, не зафиксированное в известных нам сейчас рукописях. Надпись к изображению Орфея в Останкине свидетельствует о возможности ее связи со «Словом обличительным на агарянскую ересь. . .» Максима Грека. Как установлено недавно Д. М. Буланиным, в казанском издании сочинений этого писателя была опущена часть текста, читающаяся

⁴ Д. М. Бу л а н н и. Источники античных реминисценций. . ., с. 67.

⁵ Подобное размещение «еллинских мудрецов» зафиксировано и в новгородских монастырских соборах. См.: М а к а р и й, а р х и м. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, т. I. М., 1860, с. 508.

⁶ Ср.: ПСРЛ, т. 22, ч. 1. СПб., 1911, с. 165; Кириллова книга. М., 1644, л. 115 об. (по экз. Музея им. Андрея Рублева).

⁷ БАН, Строг. 63 (66), л. 165.

⁸ ПСРЛ, т. 22, с. 164; Кириллова книга, л. 115 об.; БАН, Строг. 63 (66), л. 164 об.

⁹ Н. А. К а з а к о в а. «Пророчества еллинских мудрецов. . .», с. 368.

¹⁰ ПСРЛ, т. 22, с. 104; БАН, Строг. 63 (66), л. 164 об.

в старейших рукописях, с пророчеством, приписываемым Максимом Греком Орфею.¹¹ Ср. тексты этого автора и на иконном изображении:

Надпись
на изображении
XVIII в.

Христу родитися хотящу от Девы Марии, верую в него. . .

Максим Грек.
«Слово обличительное. . .»
(ГПБ, I.124, л. 351)

Христос хочет родитися от Девы Марии и верую в него, при Константине и Ирине паки, солнце, узриши мене. . .

Сам по себе этот текст известен в древнерусской письменности не только у Максима Грека, но пророчество приписывалось Аристотелю, анониму («философ безоименен, имя его не написано») или Платону.¹² С Платоном связывает его и румынская художественная традиция.¹³

Максим Грек или по ошибке, — поскольку, как неоднократно отмечалось исследователями, ему приходилось работать не только непосредственно с греческими книгами, но часто писать по памяти, — или опираясь на неизвестную Руси традицию связывает этот текст и глоссу к нему (о гробе с мощами и «дщицей медяной» с начертанным на ней пророчеством) с Орфеем. Поскольку «перенесение» на Орфея этого пророчества зафиксировано лишь у Максима Грека и на «иконе» в Троицкой церкви в Останкине, возможно, к нему и восходит «литературная программа» рассматриваемого произведения.

Вторая группа (два изображения — Дия и Вергилия) вывезена автором настоящей публикации из деревянной Воскресенской церкви села Карельское Сельцо Удомельского р-на Калининской области и хранится в Музее древнерусского искусства им. Андрея Рублева в Москве.¹⁴

Произведения точно датируются по надписи на иконостасном тябле: 1719—1720 гг.¹⁵

Надписи на них не восходят к «Пророчествам еллинских мудрецов» Хронографов, поскольку ни Дий, ни Вергилий в этих источниках не упомянуты. Изображение Дия—Зевса уникально. Его нет ни на одном из известных нам произведений русского искусства церковной традиции. Однако это имя хорошо и издавна знакомо древнерусской письменности. Достаточно сказать, что так называет Зевса славянский перевод евангелия (Деяния, 14, 12—15). Знают Дия и другие переводные произведения.¹⁶ Надпись на свитке обращается к содержанию эпизода Деяний, где единственный раз упоминается Дий. Текст надписи не является прямой новозаветной или ветхозаветной цитатой. Он представляет собой парафразу встречающегося в писании, в том числе и в Деяниях, выражения, где речь идет о сотворении мира — земли, неба и «всей твари».¹⁷

Деяния 14, 15	Надпись на свитке
. . . иже сотвори небо и землю и вся, яже в них	. . . (сотв)орн. . . небо и землю юже и всю тварь строу

Приведенный текст из Деяний и его парафраза в надписи непосредственно связаны с эпизодом, где повествуется, как прибывших в Листру апо-

¹¹ Д. М. Буланин. Источники античных реминисценций. . ., с. 75—76.

¹² Н. А. Казакова. «Пророчества еллинских мудрецов. . .», с. 366—368; ПСРЛ, т. 22, с. 165; БАН, Стрж. 63 (66), л. 166; Д. М. Буланин. Источники античных реминисценций. . ., с. 76.

¹³ См. славянскую надпись на свитке с изображением Платона на фреске 1547 г. в Воронце (Румыния): Р. Сотагнесо. Voronet. Bucarest, 1959, t. 129—130.

¹⁴ МпАР, инв. № к. п. 1957 («Дий»), к. п. 1592 («Вергилий»).

¹⁵ Подробнее см.: Н. А. Барская, В. Н. Сергеев. Живопись XVI—XVIII вв. из верховий реки Мсты. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л., 1984, с. 285—289, 291—292.

¹⁶ Э. М. Шусторович. Хроника Иоанна Малалы. . ., с. 65—66.

¹⁷ Близки друг другу и стиху Деяний (14, 15) библейские тексты: Бытия 2, 1, Исход 20, 11, Второзакония 10, 14, Псалтырь 118, 23, 120, 2, 134, 6 и др.

столов Павла и Варнаву местные жители приняли за богов и назвали Варнаву Зевсом (в славянском переводе Дием), а Павла Ермием. В ответ на это апостолы призывают листрян к почитанию творца мира, «иже сотвори небо и землю и вся, яже в них». Парафразу этого обращения и написал художник на свитке Дия.

Большую редкость представляет собой и изображение Вергилия, обнаруженное в том же Карельском Сельце. До этой находки в русском церковном искусстве мы знали лишь одного Вергилия — фреску XVI в. на

«Вергилий». 1719—1720 гг. Из Воскресенской церкви с. Карельское Сельцо Калининской обл. (Музей им. Андрея Рублева, инв. к. п. 1592).

паперти Благовещенского собора Московского Кремля. Имя поэта было известно на Руси еще по древнему славянскому переводу Хроники Иоанна Малалы.¹⁸ В XVII в. он упомянут не только в фацеции о беседе «Августа-кесаря с Вергилием», но и в переведенном в 1673 г. Николаем Спафарием упоминавшемся латинском трактате.¹⁹ В этом литературном произведении при рассуждении о пророческих чаяниях античного мира, рассматриваемых в духе прямой христологии, Вергилию — «верховному творцу латинскому», который описал «славное пришествие Христово и век всяких благих духовных», уделено основное место. Появлению римского поэта рядом с «еллинскими мудрецами» в искусстве предшествовала

¹⁸ А. А. Дерюгин. Вергилий в древнем славянском переводе, с. 351—362.

¹⁹ О. А. Державина. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962, с. 63, 105; Николай Спафарий. Эстетические трактаты, с. 71—77.

давняя, распространенная особенно в латинско-католическом мире литературная традиция, рассматривавшая известные стихи четвертой эклоги как весть о рождении Мессии.

Надпись на свитке у Вергилия из Карельского Сельца: «Отверзся небеса и виде свья хляби небес, уже бо хочет. . .». Ее сознательная неоконченность говорит о загадочности будущего события, о котором пророчествует поэт. Его сознанию отверзлись небеса до самых глубин («хляби»), и это раскрытие чревато неким грядущим событием, пребывающим пока в замысле («уже бо хочет»). Содержание надписи близко тексту упомянутого переводного сочинения, где рассказывается соответствующий стих четвертой эклоги о «высоком небе», от которого «новое рождение. . . прииде».²⁰

Открытие изображений с античной тематикой продолжается. Исследование и публикация надписей к ним позволят уточнить характер и пути проникновения античных реминисценций в культуру древнерусского и переходного периодов.

²⁰ Николай Спафарий. Эстетические трактаты, с. 74.